DOI: 10.31857/S013038640008660-4

© 2020 г. А. М. АБИДУЛИН., С. В. КРИВОВ

ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ И КЕМАЛИСТСКАЯ ТУРЦИЯ: ПРОБЛЕМА ПРЕЕМСТВЕННОСТИ И НАЦИОНАЛЬНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

Абидулин Алим Маратович — кандидат исторических наук, доцент кафедры восточных языков и лингвокультурологии Института международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, научный сотрудник Института востоковедения РАН (Нижний Новгород, Москва, Россия).

E-mail: abidulinam@gmail.com

Кривов Сергей Валерьевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры теории политики и коммуникации Института международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского (Нижний Новгород, Россия).

E-mail: skrivov@rambler.ru

Аннотация. Преемственность османского наследия нуждалась в разработке в государствах, возникших на развалинах бывшей Османской империи. При этом кемалистский эксперимент 1920–1930-х годов, будучи в равной степени классическим примером национального строительства и радикальным модернизационным проектом, свидетельствовал скорее о разрыве с предшествующей османской традицией. Отличие по составу населения нового государства явилось результатом массовой миграции и войн в десятилетие, предшествовавшее провозглашению республики в 1923 г. Турецкой Республики была характерна конфессиональная однородность (90% населения составляли мусульмане) при сохраняющейся чрезвычайной этнической пестроте населения. Кемалисты ставили своими целями создание нации, становление института гражданства, привитие чувства патриотизма, а также превращение турецкого общества в современное и цивилизованное. Оба этих понятия относятся к современной европейской цивилизации, которую кемалисты, будучи радикальными западниками, рассматривали как единственно жизнеспособную. Этих целей предполагалось достичь только путем просвещения масс, требовавшего принудительной секуляризации сознания людей, следствием чего стала политика, направленная на упразднение мистических братств и введение швейцарского гражданского кодекса взамен религиозного закона.

Ключевые слова: Османская империя, Турецкая Республика, Мустафа Кемаль Ататюрк, национальное строительство.

A. M. Abidulin, S. V. Krivov

The Ottoman Empire and Kemalist Turkey: A Problem of the Continuity and Nation Building

Alim Abidulin, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (Nizhni Novgorod, Moscow, Russia)

E-mail: abidulinam@gmail.com

Sergey Krivov, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod (Nizhni Novgorod, Russia)

E-mail: skrivov@rambler.ru

Abstract. The confessional homogeneity (90% of the population were Muslims) was characteristic for the Republic of Turkey at the moment of its appearance, while the ethnic diversity of the population was extreme. The creation of a single nation, the establishment of the institution of citizenship and instilling a sense of patriotism was one of the two goals of the Kemalists. Their other goal was to make Turkish society modern and civilized. Both of these terms refer to modern European civilization, which the Kemalists, being radical Westerners, regarded as the only viable. These goals could be achieved only by educating the masses, requiring compulsory secularization of people's consciousness, which resulted in a policy aimed at the abolition of mystical fraternities and the introduction of the Swiss civil code in place of religious law. All this required the reorganization of the state and a number of reforms that completely changed the Ottoman society on the basis of which a new Turkish society was created. These reforms set a definite direction for the development of the Republic of Turkey. Significant changes in society led to a number of problems, many of which have not been resolved until today. At present, issues of national self-determination are very acute, not only in the Republic of Turkey itself, but also in its neighbouring regions. The ideas of a number of Western politicians about the identity of each nation and calls for self-determination and separation determine the development of separatist tendencies in the Middle East.

Keywords: Ottoman Empire, Republic of Turkey, Mustafa Kemal Atatürk, national construction.

Начало XX в. ознаменовалось распадом трех империй — Австро-Венгерской, Османской и Российской. Одновременно начался процесс формирования новых национальных государств, в рамках которого не последнюю роль приобрел вопрос об исторической и правовой преемственности. Так, в Польше стали раздаваться голоса о восстановлении польской государственности, утраченной в конце XVIII в. в результате трех разделов Речи Посполитой, а литовский Акт о независимости 16 февраля 1918 г. провозглашал восстановление независимости государства, указывая на преемственность Литовской республики и Великого княжества Литовского. В дальнейшем, после распада СССР, Чехословакии и Югославии в 1990-х годах ряд государств (Латвия, Литва и Эстония) заявили не об обретении, а о восстановлении своей государственности, указывая на ее преемственность с довоенным периодом прибегнув к правилу «государственного континуитета». Подобные притязания, правда, не поддержанные международным сообществом, выражала и Грузия. Большинство государств бывшего СССР и Югославии выбрали модель «вновь учрежденных государств» (newly established state), в то время как в Молдове вопрос о преемственности с довоенной Бессарабией не был решен как по причине внутривнутриполитических, так и внешних факторов. В то же время руководство Советской России, напротив,

заявило о том, что она не является преемницей Российской империи, по крайней мере если говорить о дипломатических отношениях и внешних долгах, что, однако, не было принято бывшими союзниками по Антанте и являлось предметом дипломатического спора вплоть до Генуэзской конференции.

Не менее остро проблема преемственности и османского наследия встала в государствах, возникших на развалинах бывшей Османской империи. При этом кемалистский эксперимент 1920–1930-х годов, будучи в равной степени классическим примером национального строительства и радикальным модернизационным проектом, свидетельствовал скорее о разрыве с предшествующей османской традицией.

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ

В отношении территории новая республика сильно отличалась даже от поздней Османской империи образца 1912 г. Действительно, арабские провинции и южная часть Балкан (Румелия), являвшихся поставщиками кадров для османской военной и административной элит, оказались утрачены. При этом новые границы не были исторически обусловленными, а определялись политическими и военными реалиями 1918 г. Национальный пакт (Национальный обет), принятый последним османским парламентом в феврале 1920 г., определял их по линии перемирия октября 1918 г. Другими словами, территория республики еще оставалась под османским контролем в 1918 г., что признавалось и Мустафой Кемалем-пашой¹. При этом даже националистически настроенные офицеры не возражали против условий Мудросского перемирия как такового, а лишь высказывали недовольство нарушением его условий со стороны союзных держав, прежде всего британцев². Наиболее существенным в этой связи была оккупация Мосула и его окрестностей на востоке, а также окрестностей Искендеруна на Средиземном море. Это создало проблемы в ходе мирных переговоров в Лозанне в 1922–1923 гг., где турецкая делегация настаивала на включении Мосула в новую Турцию. Как известно, эти попытки не увенчались успехом: Лига наций в 1926 г. передала провинцию Мосул Ираку, а Турция добилась передачи ей округа Искендерун (Хатай) лишь в 1939 г. Что касалось арабских провинций, то Национальный пакт требовал плебисцита, но не автоматического включения их в послевоенное османское государство. Хотя позиция арабов в ходе Первой мировой войны сильно разочаровала турок, в Анкаре осознавали отсутствие ресурсов для отвоевания этих территорий. Несмотря на попытки наладить здесь взаимодействие с местными национальными организациями в 1919–1921 гг., включение в состав Турции бывших арабских провинций (Дамаска, Багдада, Басры, Хиджаза) никогда всерьез не рассматривалось. На кавказской границе Национальный пакт предполагал проведение плебисцита для Карса, Ардагана и Батуми, отошедших к России в 1878 г., возвращенных после поражения русской армии в 1918 г., снова потерянных в 1919 г. и отошедших к Армении и Грузии, которых поддерживала Великобритания. Турецкий генерал Казым Карабекир отвоевал Карс и Ардаган в ходе войны против Армении 1920–1921 гг., сделав плебисцит в этих провинциях излишним. Нерешенным остался вопрос о Батуми ввиду опасности столкновений

¹ Zürcher E. J. Young Turks, Ottoman Muslims and Turkish nationalists: identity politics 1908–1938. – *Ottoman Past and Today's Turkey*. Ed. by K. H. Karpat. Leiden, 2000, p. 169, 170.

² Zürcher E. J. The Ottoman Empire and the armistice of Mudros. – *At the Eleventh Hour. Reflections, Hopes and Anxieties at the Closing of the Great War, 1918*. Ed. by H. Cecil, P. H. Liddle. London, 1998, p. 266–275; *Unan N. Atatürk'ün Söylev ve Demeçleri II (1906–1938)*. Ankara, 1959, p. 60.

с Красной Армией, а также потребности в советской финансовой и военной помощи, что обусловило к компромиссу с Россией.

На Балканах предусматривалось проведение плебисцита в Западной Фракии с ее мусульманским большинством. Кроме того, в Лозанне турецкая делегация также выдвинула требование об островах в Эгейском море, но и они были отвергнуты. Наконец, Анкара уступила в вопросе о многочисленных турецких и мусульманских общинах за пределами новых национальных границ³. Тем самым Турецкая республика, созданная в рамках бывшей Османской империи, будучи по-прежнему полиэтничным, многоязычным обществом со значительным турецким большинством и значительным меньшинством курдов, арабов и других малых групп, стала все же менее диверсифицированной, чем прежняя Османская империя.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ

Отличие по составу населения нового государства явилось результатом массовой миграции и войн в десятилетие, предшествовавшее провозглашению республики в 1923 г. Смертность среди анатолийского населения была невероятно высокой. Кроме того, большинство солдат именно для османской армии рекрутировалось из сельского населения Анатолии. Более того, с весны 1915 г. сама восточная Анатолия стала театром боевых действий. Мало того, что население страдало собственно от боевых действий — возвращение османской армии стимулировало распространение эпидемий, особенно тифа зимой и холеры летом⁴. В 1915–1916 гг. православные греки и армяне подверглись репрессиям со стороны младотурок, а старая православная община в Анатолии прекратила существование.

Первая мировая война способствовала началу войны за независимость во всех уголках страны. На западном фронте имели место притеснения греков со стороны турецких военных; это привело к сокращению населения Анатолии на 20%. Последствия войны и болезней распространялись неравномерно, в некоторых восточных провинциях половина населения погибла, а четверть жителей превратились в беженцев. В 12 провинциях западной Анатолии более 30% женщин овдовели⁵. Путешественники, посетившие страну в 1920–1930-х годах, отмечали запустение сельской местности⁶. Кроме того, в Анатолию приезжало немало мигрантов; на протяжении всего XIX и начала XX в. мусульмане переезжали с территорий, которые переходили к христианским государствам — России, Румынии, Болгарии, Сербии, Греции. Естественно, они селились в анатолийских провинциях, часто на бывших армянских землях. Эти беженцы и их дети составили около трети послевоенного населения.

Потеря преимущественно христианских территорий и иммиграция мусульман означали, что в 1918 г. впервые большинством в Османской империи стали турки. В течение первой мировой войны и после нее почти все выжившие армяне

³ Zürcher E. J. The borders of the republic reconsidered, Bilanço 1923/1998. — International Conference on History of the Turkish Republic a Reassessment, vol. 1. Politics — Culture — International Relations. Ankara, 1999, p. 53–59.

⁴ Zürcher E. J. Between Death and Desertion. The Experience of the Ottoman soldier in World War I. — Turcica, 1996, № 28, p. 235–258.

⁵ См. McCarthy J. Muslims and Minorities. The Population of Ottoman Anatolia and the End of the Empire. New York, 1983.

⁶ Hartmann R. Im neuen Anatolien. Leipzig, 1928, S. 86; Linke L. Allah Dethroned. A Journey through Modern Turkey. London, 1937, p. 278; Zürcher E. J. Two Young Ottomanists Discover Kemalist Turkey: The Travel Diaries of Robert Anhegger and Andreas Tietze. — Journal of Turkish Studies, 2002, № 26, p. 359–369.

покинули страну, эмигрировав в Россию, Францию и США. В результате Балканской войны 200 тыс. греков из 450 тыс., проживавших на эгейском побережье, были вынуждены покинуть Западную Анатолию. Три четверти из них вернулись на волне греческой оккупации в 1919 г.⁷ Когда греческая армия в Анатолии потерпела поражение в 1922 г., почти все жители греческих общин западной части страны переехали в Грецию. Эту ситуацию усугубил Договор об обмене населением, который прилагался к Лозаннскому договору. По нему последние оставшиеся в Анатолии греческие общины, главным образом на черноморском побережье (понтийские греки) и как романлы (турецкоязычные православные греки из центральной Анатолии), «обменивались» на мусульманские общины в Греции. Всего около 1 млн греков покинули Анатолию в 1922–1924 гг. и около 400 тыс. мусульман выехало из Греции. Миграции в ходе и в результате войны имело результатом потерю в 10% населения, что прибавилось к 20% потерь от смертности. Это также означало, что с культурной точки зрения Анатолия в 1923 г. стала совершенно иным регионом по сравнению с 1913 г. Многочисленная христианская община исчезла, и из 13 млн человек 98% составляют мусульмане в сравнении с 80% до войны.

При этом страна приобрела откровенно аграрный характер: только 18% населения проживало в городах с населением 10 тыс. и более по сравнению с 25% до войны. Это отражало тот факт, что христианские общины были более урбанизированными. Они также полностью доминировали в современных секторах экономики. Хлопчатобумажные заводы Чукурова, шелковые фабрики в Бурсе, экспорт инжира и изюма на Западе, морские суда, банки, железные дороги, отели и рестораны — все было почти исключительно в руках христиан перед войной. После 1923 г. Турция испытывала катастрофический недостаток представителей многих профессий. Потребовалось по крайней мере целое поколение, чтобы исправить положение.

ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ

Республика, созданная в октябре 1923 г., являлась лишь одним из новых государств, претендовавших на османское наследие. Очевидно при этом, что ситуация в Турции отличалась от ситуации в Албании и Сирии, так как она была создана при участии доминирующего этнического и культурного элемента империи, унаследовав ее политический центр, а также непропорциональную долю военной и гражданской бюрократии. Это усложнило определение идентичности нового государства в сравнении с другими государствами-наследниками, которые могли дистанцироваться от Османской империи при переопределении ее как объекта иностранной оккупации, а также в поиске мифического национального «золотого века», предшествовавшего османскому завоеванию. Это сопоставимо с Австрией, где довоенное население немецкоязычной части Габсбургской империи воспринимало себя как немцев и как субъект католической и династической империи, политической элите новой Австрийской республики пришлось почти изобретать «маленькую австрийскую идентичность» с нуля.

Достаточно сложен и вопрос о моменте перехода от империи к новой государственности. Турецкая Республика была провозглашена 29 октября 1923 г., а османский султанат упразднен годом ранее, 1 ноября 1922 г. Делегация, отправленная на

⁷ Berber E. Sancılı Yıllar: İzmir 1918–1922 Mütareke ve Yunan İşgali Döneminde İzmir Sancığı. Ankara, 1997, p. 57–70, 317–330 (по санджаку Измир); Şenşekerci E. Türk Devriminde Celâl Bayar (1918–1960). İstanbul, 2000, p. 35–38.

Лозаннскую конференцию, целый месяц представляла правительство Великого национального собрания, оставив открытым вопрос о своей государственной принадлежности. Многие полагают, что она все еще представляла Османскую империю, поскольку имперская конституция 1876 г., модифицированная в 1908–1909 гг., оставалась в силе до введения в действие новой республиканской конституции в апреле 1924 г. Правящая династия исчезла после низвержения последнего султана в ноябре 1922 г., а его кузена Абдулмеджид-эфенди провозгласили халифом. Поскольку идея чисто религиозного халифата была чужда османской традиции, в глазах населения Абдулмеджид-эфенди являлся таким же монархом, как и последний османский султан. Это чувствовали и многие в республиканском руководстве⁸, что в действительности и стало основной причиной упразднения халифата в марте 1924 г.

С другой стороны, в январе 1921 г., национальная ассамблея в Анкаре провозгласила Основной закон республики, рассматривающийся турецкими историками как первая республиканская конституция. В турецкой политике он рассматривается как источник политической легитимности как будущих лидеров Демократической партии в их знаменитом «Меморандуме четырех» 1945 г., положившем начало многопартийной эры и генералов, совершивших переворот против демократов в мае 1960 г., также опиравшихся на этот закон в стремлении оправдать свои действия.

Тем не менее такой взгляд не совсем корректен. Хотя османская конституция была отменена в 1921 г., а Основной закон являлся прежде всего инструментом функционирования де-факто националистического правительства в Анатолии, в то время как Стамбул был оккупирован, и, следовательно, на него его действие не распространялось. По сути, он функционировал наряду с османской конституцией⁹, являясь выражением республиканизма в радикальной традиции французской революции и плохо сочетаясь с конституционной монархией¹⁰. В течение одного года между упразднением султаната и провозглашением республики Кемаль в своих публичных заявлениях говорил, что националисты основали «новое государство», одновременно утверждая, что оно не похоже ни на монархию, ни на республику и является единственным в своем роде. Термин «Турция» (*Türkiye*), который от случая к случаю использовался как синоним Османской империи, теперь стал основным для обозначения страны¹¹. Таким образом, в правовом смысле переход от империи к республике был постепенным имевшим место между февралем 1921 г. и апрелем 1924 г.

Политическое руководство движения сопротивления и республиканская элита представляли собой четко определенные группы людей с общими характеристиками: они были продуктом современной образовательной системы империи, созданной Танзиматом в XIX в. Почти все без исключения они входили в состав младотурецкого Комитета союза и прогресса (КСП) и играли заметную роль в политике второго конституционного периода 1908–1918 гг., пройдя через многие потрясения в современной османской истории. Большинство из них участвовало в конституционной революции 1908 г., подавлении контрреволюции апреля 1909 г., организации бедуинского восстания в Триполитании против итальянцев в 1911 г., событиях Второй Балканской Первой мировой войны и движении сопротивления после войны.

⁸ *Kemal [Atatürk]. Nutuk*, vol. 2. İstanbul, 1967, p. 684.

⁹ *Akın R. TBMM Devleti (1920–1923). Birinci Meclis Döneminde Devlet Erkları ve İdare*. İstanbul, 2001, p. 197–217.

¹⁰ *Tunaya T. Z. Türkiye Büyük Millet Meclisi hükümetinin kuruluşu ve hukuko karakteri*. — İstanbul Hukuk Fakültesi Mecmuası, 1953, № 23, p. 227–247.

¹¹ *Unan N. Op. cit.*, p. 70, 92.

Крупная военная победа в августе–сентябре 1922 г. сделала Мустафу Кемаля, получившего титул гази от Национальной Ассамблеи за год до этого, непререкаемым политическим лидером. Затем в годы после принятия Закона о поддержании порядка в марте 1925 г. многие члены высшего эшелона бывшей КСП, а также командиры, игравшие ведущие роли в движении сопротивления на начальном этапе были ликвидированы физически или политически¹². Но несмотря на постепенное вовлечение в центр политической жизни более молодых, ключевые позиции оставались в руках тех, кто сделал свою политическую и военную карьеру еще в младотурецкую эпоху.

В осуществлении своей политики новой власти приходилось опираться на поддержку чиновников и военных. Это не значит, что кемалисты не проводили чисток, подобных тем, что практиковали младотурки несколькими годами ранее, когда государственные служащие, скомпрометировавшие себя коррупцией или шпионажем от имени режима Хамидов, были выдворены из страны после конституционной революции 1908 г., а многие из офицеров, дослужившихся до высоких званий при старом режиме, были вычищены при Энвер-паше в 1913–1914 гг. и заменены офицерами – выпускниками современных (на тот момент) военных колледжей. Сходным образом прибегали к чисткам и кемалисты. 25 сентября 1923 г. был принят Закон № 347, позволявший увольнять офицеров из армии, не присоединившихся к движению сопротивления. Три года спустя, 26 мая 1926 г. парламент принял сходный закон № 854 для гражданских служащих. Но сфера действия этих законов оказалась достаточно ограниченной, уже 24 мая 1928 г. по закону № 1289 была создана комиссия, рассматривавшая жалобы чиновников, неправомочно уволенных по закону от 1926 г.¹³ Также и армия республики являлась, по сути, армией поздней империи. Армия и в некоторой степени жандармерия позволяли республиканскому режиму распространять свой контроль на страну и население в той степени, которая была недоступна империи¹⁴.

Что касается бюрократии, то она представляла собой по большей части бюрократию имперской эпохи. В первые годы националисты проводили чистки среди провинциальных чиновников, которых считали нелояльными из-за их связей со стамбульским правительством. Это касалось провинциальных и окружных губернаторов (вали и каймакамов), которые были назначаемыми. Однако низовой уровень провинциальной администрации оставался нетронутым, и это позволяло националистам призывать солдат и повышать налоги в районах под их контролем.

Из всех ветвей государственной бюрократии лишь одна подлежала наибольшим изменениям при республиканском устройстве – религиозные институты. Утверждение закона об унификации образования в 1924 г. предоставило власти прямой контроль за этой важной сферой, снизив роль религиозных учреждений. Упразднение халифата и одновременное реформирование поста шейх-уль-ислама как наивысшего религиозного поста подчинении премьер-министра, определено означало, что высший эшелон религиозных учреждений потерял самостоятельность. Однако следует отметить, что реформы 1916 г., когда шейх-уль-ислам был удален из кабинета и потерял контроль над шариатскими судами, фондами и медресе, уже сильно ограничили его в своих функциях. Действительно, Кемаль проводил реформы почти без сопротивления со стороны высшего духовенства, что является свидетельством установления государственного контроля над

¹² Zürcher E. J. *Political Opposition in the Early Turkish Republic. The Progressive Republican Party (1924–1925)*. Leiden, 1991; *Tunçay M. T.C.'nde Tek Parti Yönetimi'nin Kurulması (1923–1931)*. İstanbul, 1989.

¹³ Jaeschke G. *Türk İnkılabı Tarihi Kronolojisi*, vol. 2. İstanbul, 1941, p. 73.

¹⁴ Zürcher E. J. *Two Young Ottomanists*, p. 359–369.

османским религиозным истеблишментом и его бюрократизацией уже в конце османского периода.

ПАРТИЯ

Действительно новым инструментом республиканского режима стала Народная партия, которая с 1925 г. осталась единственной легальной партией в Турции, исключая трехмесячный двухпартийный период в 1930 г. Тем не менее политические партии сами по себе не были полностью новыми институтами: страна и ранее управлялась однопартийным режимом в 1908 и в 1913–1918 гг. Однако этот период отличался рядом основных аспектов. В республиканский период Народная партия, созданная Кемалем, функционировала в значительной степени как дополнение государству. Действовавшее с 1925 г. по 1929 г. чрезвычайное законодательство означало, что парламентская партия отказалась от своих полномочий в пользу кабинета на период проведения радикальных реформ. В эти годы законы обычно принимались единогласно или с очень большим большинством¹⁵. С 1930 г. Народная партия особенно активно действует через свои пропагандистские рычаги, а Народный дом стал инструментом для пропаганды и мобилизации, всегда оставаясь под жестким государственным контролем. Кульминация этого формального объединения государства и партии была достигнута в 1936 г., когда создается движение «Турецкий очаг»¹⁶.

Если преемственность политической власти и государственного аппарата прослеживалась вполне очевидно, то с идеологией режима ситуация выглядит более сложной¹⁷. Перед Первой Балканской войной в центре жарких идеологических дебатов среди младотурок по вопросу о способах сохранения османского государства, находились два основных вопроса. Первый касался степени вестернизации, необходимой для укрепления общества и государства и ее примирения с турецкой культурой и исламской цивилизацией. Большинство османских интеллектуалов с середины XIX в. стали приходить к пониманию вестернизации как единственного способа достижения материального прогресса и политического усиления¹⁸. Столь же широка была вера в современную науку и материализм, а относительно младотурок можно говорить об их позитивизме и о сильном влиянии на них Гюстава Лебона¹⁹. Младотурецкие мыслители полагали, что «реальный ислам», противопоставляемый обскурантизму клириков того периода, был вполне совместим с наукой, а сама религия рассматривалась как важный элемент национального строительства²⁰. Второй вопрос, занимавший младотурецких авторов, касался этнической основы будущего государства. В начале XX в. искренняя приверженность идее Союза этносов ограничивалась лишь незначительным кругом представителей греческой, арабской и албанской интеллигенции, а также либеральной группой во главе с князем Сабахаттином. Подавляющее же большинство активистов уже до революции 1908 г. являлось сторонниками османского мусульманского

¹⁵ *Tunçay M.* Op. cit., p. 178.

¹⁶ *Çavdar T.* Halk evleri. — *Cumhuriyet Dönemi Türkiye Ansiklopedisi*. Ed. by M. Belge. İstanbul, 1984, p. 878.

¹⁷ *Dumont P.* The origins of Kemalist ideology. *Atatürk and the Modernization of Turkey*. Ed. by J. Landau. Boulder, 1984, p. 25–44.

¹⁸ *Hanioğlu M. Ş.* The Young Turks in Opposition. Oxford, 1995, p. 7–18.

¹⁹ *Nye R. A.* The Origins of Crowd Psychology. *Gustave Le Bon and the Crisis of Mass Democracy in the Third Republic*. London, 1975. Гюстав Лебон был популярен среди не только младотурок, но и интеллектуалов Балкан и арабских стран.

²⁰ *Zürcher E. J.* Ottoman sources of Kemalist thought. — *Late Ottoman Society. The Intellectual Legacy*. Ed. by E. Özdalga. London, 2005, p. 14–27.

национализма на турецкой этнической основе. В то время было растущее опасение тюркизации среди младотурок, которые рассматривали ее как одно из проявлений комплексной идентичности вместе с османским и мусульманским элементами. Сначала организаторы революции 1908 г. открыли свои ряды и для нетурецких мусульман²¹. Напротив, то, что часто понимается под пантюркизмом ныне, было популярно только среди очень узкого круга интеллигенции, в котором иммигранты из Российской империи играли доминирующую роль.

Однако с началом Первой Балканской войны эти теоретические вопросы потеряли свое значение, уступив место мобилизации всех национальных ресурсов. То, что определялось как «национальное», в 1912 г. больше не вызывало сомнения: империя подверглась нападению коалиции христианских балканских государств, поставив под сомнение лояльность неисламского элемента будущему турецкому государству. Младотурки сопротивлялись этому процессу, создавая множество политических, социальных, экономических и культурных организаций, и каждая из них называлось *millo* (национальной), но на деле их основу составляли османские мусульмане. Подобная ситуация сохранялась и в годы Первой мировой войны, когда был официально объявлен джихад. Частью этой войны стал жестокий конфликт с этническими и религиозными меньшинствами в Анатолии и за ее пределами. Религиозный характер часто подчеркивался религиозными церемониями, сопровождавших каждое крупное мероприятие. Это был единственный период в недавней истории Турции, когда в стране существовал юридический запрет алкоголя²².

После войны эта идеологическая ориентация внезапно изменилась с исчезновением чрезвычайной необходимости мобилизации масс. Идеологические дискуссии, проводившиеся до 1912 г., вновь возобновились. В дебаты по поводу степени необходимой вестернизации Кемаль и его окружение идентифицировали себя как крайние западники²³. При этом не делалось попытки гармонизировать европейскую цивилизацию с турецкой культурой, хотя эти термины, введенные в оборот Зия Гёкальпом, продолжали использоваться²⁴. В самом деле, кемалисты говорили о культурной революции, в которой не только «высокая» исламская цивилизация воспримет европейские ценности, но также будет преобразован низовой уровень культуры. Сам Кемаль настаивал на том, что ислам является «рациональной» религией и адаптируется к современному миру, однако не было никаких попыток превратить это «очищение» ислама в основную составляющую республиканской идеологии.

Идеи джадидизма Акчуры и Агаоглу были отвергнуты наряду с предложением Гёкальпа о тюркизации ислама и идеи Саида Нурси об исламском моральном «перевооружении». Вместо этого секуляризм (*laiklik*, от французского *laïque*) стал одним из столпов кемалистской идеологии. Сциентизм и биологический материализм (так же как и социал-дарвинизм) заняли более значительное место в кемалистской мысли, чем у юнионистов. Засвидетельствовано знаменитое изречение Мустафы Кемала: «Единственным реальным духовным руководством в жизни является позитивная наука».

²¹ *Karabekir K.* İttihat ve Terakki Cemiyeti 1896–1909. İstanbul, 1982, p. 176.

²² *Zürcher E. J.* The vocabulary of Muslim nationalism. — *International Journal of the Sociology of Language*, 1999, №137, p. 81–92.

²³ *Hanioglu M. Ş.* Garbcılar: their attitudes toward religion and their impact on the official ideology of the Turkish Republic. — *Studia Islamica*, 1997, № 86, p. 134–158.

²⁴ *Heyd U.* Foundations of Turkish Nationalism. The Life and Teachings of Ziya Gökalp. London, 1950, p. 63–64.

В вопросе о национальной идентичности также был сделан радикальный шаг, выразившийся в отказе от оттоманизма. От исламского национализма, доминировавшего в период с 1912 по 1922 г., отказались. Вместо этого началось конструирование новой общности в пределах границ новой республики, основывавшееся на идее турецкой нации. Хотя турецкий национализм был скорее территориальным, на основе общего турецкого языка и культуры, с национальным гражданством, будучи открытым для тех, кто готов его принять, элементы этнического национализма стали приобретать большее и большее значение в 1930-х годах с учетом изменений в Европе. На практике принятие турецкого национализма привело к принудительной ассимиляции трети того населения, которое не рассматривало турецкий язык как родной.

Библиография

- Akın R.* TBMM Devleti (1920–1923). Birinci Meclis Döneminde Devlet Erkleri ve Idare. İstanbul, 2001.
- Berber E.* Sancılı Yıllar: İzmir 1918–1922 Mütareke ve Yunan İşgali Döneminde İzmir Sancağı. Ankara, 1997.
- Çavdar T.* Halk evleri. – Cumhuriyet Dönemi Türkiye Ansiklopedisi. Ed. by M. Belge. İstanbul, 1984, p. 878–884.
- Dumont P.* The Origins of Kemalist Ideology. – Atatürk and the Modernization of Turkey. Ed. by J. Landau. Boulder, 1984, p. 25–44.
- Hanioglu M. Ş.* Garbcılar: their attitudes toward religion and their impact on the official ideology of the Turkish Republic. – Studia Islamica, 1997, № 86, p. 134–158.
- Hartmann R.* Im neuen Anatolien. Leipzig, 1928.
- Heyd U.* Foundations of Turkish Nationalism. The Life and Teachings of Ziya Gökalp. London, 1950.
- Jaeschke G.* Türk İnkılabı Tarihi Kronolojisi, vol. 2. İstanbul, 1941.
- Karabekir K.* İttihat ve Terakki Cemiyeti 1896–1909. İstanbul, 1982.
- Kemal [Atatürk].* Nutuk, vol. 2. İstanbul, 1967.
- Linke L.* Allah Dethroned. A Journey through Modern Turkey. London, 1937.
- McCarthy J.* Muslims and Minorities. The Population of Ottoman Anatolia and the End of the Empire. New York, 1983.
- Nye R. A.* The Origins of Crowd Psychology. Gustave Le Bon and the Crisis of Mass Democracy in the Third Republic. London, 1975.
- Şenşekerci E.* Türk Devriminde Celâl Bayar (1918–1960). İstanbul, 2000.
- Tunaya T. Z.* Türkiye Büyük Millet Meclisi hükümetinin kuruluşu ve hukuko karakteri. – İstanbul Hukuk Fakültesi Mecmuası, 1953, № 23, p. 227–247.
- Tunçay M.* T.C.'nde Tek Parti Yönetimi'nin Kurulması (1923–1931). İstanbul, 1989.
- Unan N.* Atatürk'ün Söylev ve Demeçleri II (1906–1938). Ankara, 1959.
- Zürcher E. J.* Political Opposition in the Early Turkish Republic. The Progressive Republican Party (1924–1925). Leiden, 1991.
- Zürcher E. J.* Between Death and Desertion. The Experience of the Ottoman Soldier in World War I. – Turcica, 1996, № 28, p. 235–258.
- Zürcher E. J.* The Ottoman Empire and the armistice of Mudros. – At the Eleventh Hour. Reflections, Hopes and Anxieties at the Closing of the Great War, 1918. Ed. by H. Cecil, P. H. Lidde. London, 1998, p. 266–275.
- Zürcher E. J.* The borders of the republic reconsidered, Bilanço 1923/1998. – International Conference on History of the Turkish Republic a Reassessment, vol. 1. Politics – Culture – International Relations. Ankara, 1999, p. 53–59.

Zürcher E. J. The vocabulary of Muslim nationalism. — International Journal of the Sociology of Language, 1999, № 137, p. 81–92.

Zürcher E. J. Young Turks, Ottoman Muslims and Turkish nationalists: identity politics 1908–1938. Ottoman Past and Today's Turkey. Ed. by K. H. Karpat. Leiden, 2000, p. 150–179.

Zürcher E. J. Two Young Ottomanists Discover Kemalist Turkey: The Travel Diaries of Robert Anhegger and Andreas Tietze. — Journal of Turkish Studies, № 26, 2002, p. 359–369.

Zürcher E. J. Ottoman sources of Kemalist thought. — Late Ottoman Society. Ed. by E. Özdamga. London, 2005, p. 14–27.

References

Akın R. TBMM Devleti (1920–1923). Birinci Meclis Döneminde Devlet Erkleri ve Idare. İstanbul, 2001.

Berber E. Sancılı Yıllar: İzmir 1918–1922 Mütareke ve Yunan İşgali Döneminde İzmir Sancağı. Ankara, 1997.

Çavdar T. Halk evleri. — Cumhuriyet Dönemi Türkiye Ansiklopedisi. Ed. by M. Belge. İstanbul, 1984, p. 878–884.

Dumont P. The Origins of Kemalist Ideology. — Atatürk and the Modernization of Turkey. Ed. by J. Landau. Boulder, 1984, p. 25–44.

Hanioglu M. Ş. Garbcılar: their attitudes toward religion and their impact on the official ideology of the Turkish Republic. — Studia Islamica, 1997, № 86, p. 134–158.

Hartmann R. Im neuen Anatolien. Leipzig, 1928.

Heyd U. Foundations of Turkish Nationalism. The Life and Teachings of Ziya Gökalp. London, 1950.

Jaeschke G. Türk inkılabı Tarihi Kronolojisi, vol. 2. İstanbul, 1941.

Karabekir K. İttihat ve Terakki Cemiyeti 1896–1909. İstanbul, 1982.

Kemal [Atatürk]. Nutuk, vol. 2. İstanbul, 1967.

Linke L. Allah Dethroned. A Journey through Modern Turkey. London, 1937.

McCarthy J. Muslims and Minorities. The Population of Ottoman Anatolia and the End of the Empire. New York, 1983.

Nye R. A. The Origins of Crowd Psychology. Gustave Le Bon and the Crisis of Mass Democracy in the Third Republic. London, 1975.

Şenşekerci E. Türk Devriminde Celâl Bayar (1918–1960). İstanbul, 2000.

Tunaya T. Z. Türkiye Büyük Millet Meclisi hükümetinin kuruluşu ve hukuko karakteri. — İstanbul Hukuk Fakültesi Mecmuası, 1953, № 23, p. 227–247.

Tunçay M. T.C.'nde Tek Parti Yönetimi'nin Kurulması (1923–1931). İstanbul, 1989.

Unan N. Atatürk'ün Söylev ve Demeçleri II (1906–1938). Ankara, 1959.

Zürcher E. J. Political Opposition in the Early Turkish Republic. The Progressive Republican Party (1924–1925). Leiden, 1991.

Zürcher E. J. Between Death and Desertion. The Experience of the Ottoman Soldier in World War I. — Turcica, 1996, № 28, p. 235–258.

Zürcher E. J. The Ottoman Empire and the armistice of Mudros. — At the Eleventh Hour. Reflections, Hopes and Anxieties at the Closing of the Great War, 1918. Ed. by H. Cecil, P. H. Liddle. London, 1998, p. 266–275.

Zürcher E. J. The borders of the republic reconsidered, Bilanço 1923/1998. — International Conference on History of the Turkish Republic a Reassessment, vol. 1. Politics – Culture – International Relations. Ankara, 1999, p. 53–59.

Zürcher E. J. The vocabulary of Muslim nationalism. — International Journal of the Sociology of Language, 1999, № 137, p. 81–92.

Zürcher E. J. Young Turks, Ottoman Muslims and Turkish nationalists: identity politics 1908–1938. Ottoman Past and Today's Turkey. Ed. by K. H. Karpat. Leiden, 2000, p. 150–179.

Zürcher E. J. Two Young Ottomanists Discover Kemalist Turkey: The Travel Diaries of Robert Anhegger and Andreas Tietze. — Journal of Turkish Studies, 2002, № 26, p. 359–369.

Zürcher E. J. Ottoman sources of Kemalist thought. — Late Ottoman Society. Ed. by E. Özdamga. London, 2005, p. 14–27.